

В сыром и мрачном подвале стоял невыносимый смрад.

В углу, в железной клетке размером около метра, был заперт совершенно нагой юноша. Его тело покрывали кровавые подтеки, а на внутренней стороне правого бедра зияла глубокая рана — кусок плоти был вырван, и обнаженная кость, омытая кровью, тускло поблескивала в полумраке.

Юноша сжался в комок, не в силах пошевелиться. Лишь уши едва заметно подергивались, а широко распахнутые глаза, полные невыразимой скорби, были прикованы к мужчине, лежащему в луже крови неподалеку.

Мужчина, высокий и статный, с суровым лицом, тяжело дышал. Из его груди торчал кухонный нож. Окровавленная рука тянулась к клетке, словно он хотел коснуться юноши, но сил почти не осталось — в его взгляде читалась лишь бесконечная боль и нежность.

— Ха-ха. — Рядом с клеткой стоял дорогой кожаный диван. На нем, облаченный в безупречный деловой костюм, сидел мужчина, обнимая за талию жеманного юношу с вызывающе яркой внешностью. Одной рукой он игриво поглаживал подбородок своего спутника, а другой покачивал бокал с красным вином. Сделав глоток, он насмешливо хмыкнул. — Кто бы мог подумать, что прославленный Холодный Яма, Цинь Ханьюань, окажется таким сентиментальным дураком.

С этими словами мужчина в костюме наклонился и вылил вино прямо на рану на бедре пленника, неторопливо добавив:

— Жаль только, что мой младший брат оказался таким неблагодарным.

— А-а-а! — Юношу пронзила судорога. Его тонкие черты лица исказились от муки, из горла вырвался хриплый крик.

— Чжэн Хуэй... прекрати... — На висках Цинь Ханьюаня вздулись вены. Он сжал кулаки, но не мог помешать истязаниям, лишь прошептал: — Сяо Гуань... Сяо Гуань, не плачь... Я здесь... я рядом...

— Ха-ха-ха, как весело! — жеманный юноша захлопал в ладоши и помог Чжэн Хуэю наполнить бокал. — Братец Хуэй, давай еще! Сяо Гуань совсем не боится боли!

Шэнь Гуань чувствовал, как тело сводит от боли, переходящей в механические конвульсии. Лишь слезы, катившиеся из глаз, и взгляд, полный раскаяния, были его безмолвным ответом на зов Цинь Ханьюаня.

Это он. Это он погубил его.

Шэнь Гуань был наследником Клана Шэнь, но мать умерла рано. Отец, не теряя времени, привел в дом мачеху, которая привезла с собой сына от первого брака — Чжэн Хуэя, старше Шэнь Гуаня на четыре года. Через два года мачеха родила дочь, и отец, души не чаявший в новой семье, начал благоволить и Чжэн Хуэю.

А сам Шэнь Гуань, мечтавший лишь об одном — исполнить волю матери и стать танцором, — в глазах отца выглядел никчемным мечтателем. Его интересы были полностью проигнорированы.

Ли Биюй, его мачеха, была женщиной расчетливой. Поняв, что Шэнь Гуань не станет жаловаться или скандалить, она без зазрения совести помыкала им, придираясь по любому поводу. Позже Чжэн Хуэй, заметив это, начал тайно помогать ему. В те беспросветные дни он стал для юноши единственной опорой, даже признался в своих чувствах. Шэнь Гуань, словно околдованный, согласился на тайный роман.

Когда ему исполнилось семнадцать, отец узнал об этой связи. Его хватил сердечный приступ, и спасти его не удалось. Чжэн Хуэй, разумеется, взял на себя управление огромным состоянием Клана Шэнь, а Шэнь Гуань погрузился в пучину вины и самобичевания.

В день его восемнадцатилетия в дом внезапно явился Цинь Ханьюань с предложением о союзе между Кланами Цинь и Шэнь. За прошедший год дела Клана Шэнь пошатнулись, и возможность опереться на могущественный Клан Цинь была как нельзя кстати. К тому же, Цинь Ханьюань стал главой клана в столь юном возрасте — кто посмел бы ему отказать?

Учитывая, что сестра была еще несовершеннолетней, а однополые браки были узаконены, Шэнь Гуань стал единственным кандидатом. К тому же, его физиологические особенности не оставляли иного выбора.

Услышав о том, что Цинь Ханьюань держит в руках и легальный бизнес, и криминальный мир, что он жесток и имеет склонность к садизму, Шэнь Гуань в ужасе умолял Чжэн Хуэя спасти его. Чжэн Хуэй, сыграв на его чувстве вины за смерть отца, убедил его думать о благе семьи: выйти замуж, дождаться, пока дела Клана Шэнь наладятся, а потом развестись и вернуться, чтобы принять наследство.

Одурманенный его словами, Шэнь Гуань согласился.

После свадьбы Цинь Ханьюань при каждой попытке приблизиться вызывал у него лишь дрожь. Со временем он перестал приходить домой, лишь холодно кивал при встрече и уходил. Так прошло два года. А потом Чжэн Хуэй и лучший друг Шэнь Гуаня, Тан Ван, подговорили его подать на развод. Шэнь Гуань и не подозревал, что они давно были любовниками. Они обманом заставили его съехать из поместья Цинь, заточили в этом подвале и три месяца истязали, вынуждая подписать бумаги о передаче акций Клана Шэнь. А потом...

Потом они использовали его имя, чтобы заманить Цинь Ханьюаня сюда.

Ради спасения Шэнь Гуаня тот добровольно позволил Тан Вану вонзить в себя нож.

Воспоминания пронесли перед глазами, как калейдоскоп. Шэнь Гуань открыл рот и беззвучно прошептал Цинь Ханьюаню: Прости.

— Жаль. Он так долго тебя искал, а в итоге умрет вместе с таким никчемным дураком, как ты. Не стоит того. — Тан Ван презрительно усмехнулся, поднялся с дивана, подошел к Цинь Ханьюаню и с силой пнул его в грудь, отчего нож вошел еще глубже.

— Нет... не надо! — из последних сил закричал Шэнь Гуань.

— М-м... — Цинь Ханьюань широко открыл глаза, одарил Шэнь Гуаня слабой, бледной улыбкой и прошептал то, что хранил в сердце всю свою жизнь: — Сяо Гуань... я... я люблю... тебя.

— Цинь... Цинь Ханьюань, не... надо... — Шэнь Гуань, дрожа всем телом, просунул руку сквозь прутья клетки, пытаясь дотянуться до его ладони.

Кончики пальцев соприкоснулись, и тепло разлилось по венам. Глаза Шэнь Гуаня наполнились слезами, сил бороться больше не осталось, и он, полуприкрыв веки, смотрел на него.

Цинь Ханьюань улыбнулся и испустил последний вздох. Его взгляд остекленел, но казалось, что даже после смерти он продолжает нежно смотреть на Шэнь Гуаня.

Слеза упала на пол.

Глаза Шэнь Гуаня сомкнулись, сознание начало меркнуть.

Цинь Ханьюань, прости меня!

Если будет следующая жизнь, позволь мне защитить тебя.

<http://bllate.org/book/18789/1824901>